

ТАТЬЯНА КАЗАРИНА ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА, ИЛИ БЕГСТВО ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

Похоже, литература - ещё не самая гиблая область в нашей культуре. Там, например, в литературных кущах есть попадаются оптимисты, - а ведь в других краях они давно перевелись. Лично меня приятно удивил тон последних публикаций о литературе. Сейчас, после премиального сезона (вручение Букеровской, Антибукеровской и других писательских премий), все взахлёб удивляются тому, как он выгодно отличался от всех предыдущих: не было, мол, никакой предвзятости при присуждении наград, не играли никакой роли знакомства, корпоративные связи, финансовые интересы. По словам Евгения Попова, "ситуация переломилась" в том смысле что игра в лидера стала честной. Вроде бы отныне картина поражений и побед никем сознательно не замутняется. Хочется верить, но как-то сразу вспоминаешь, что Евгению Попову по причине его сибирского происхождения должно быть присущее какое-нибудь особое нечеловеческое жизнелюбие. Но если он прав, серьёзные шансы получить очередного Букера появляются у Виктора Пелевина. В статьях о нынешней литературе это самое повторяемое имя. Безусловно, главная причина ажиотажа - качество пелевинских текстов, неразгаданность их художественного "секрета", необъяснимость, а может быть, и необъяснимость их обаяния. Но дополнительно интригует ещё и то, что Пелевин - человек - невидимка.

По мнению многих, писателю сегодня не преуспеть, если он останется только писателем. Можно добиться успеха, если ты автор и ещё кто-то...

Например, писатель + герой светской хроники, писатель + скандалист, писатель + политик. Очевидный пример первого - это прежде всего Виктор Ерофеев. Свойства его прозы таковы, что от него человека так и ждёшь, мягко говоря, нетривиальных жестов. И находится Ерофеев всегда там, где их только и совершают. Где тусовка, там и он... Писатель-скандалист - это что-то вроде Лимонова. Писатель-политик, понятно, он же. Но и Проханов, и Лукьянин-Осипов, и Мешков... Должны были наконец завестись писатели, которые, хотя бы из упрямства, но попробуют завоевать лавры одним только писательством, выстоять и прославиться в честном профессиональном поединке, никак не подыгрывая самим себе.

Это и есть тактика Пелевина. Его не увидеть на экране, не встретить в редакциях журналов (так уверяют журналисты). Интервью у него, правда, брали, но, может быть, тоже заочно?.. Важно, что эта поведенческая стратегия, похоже, оправдывает себя: иначе как "русским Борхесом" Пелевина теперь ни один критик не называет. Конечно, как всегда, ахов и охов в прессе много

больше, чем разумных суждений о том, чем же это так хорошо молодой прозаик. Как водится, ругают более внятно: за излишнюю невозмутимость, за бесстрастный стиль повествования... Действительно, эмоциональных взвизгиваний у него немного, он не рвёт " страсть в клочья". Но тому есть свои резоны - и о них ниже.

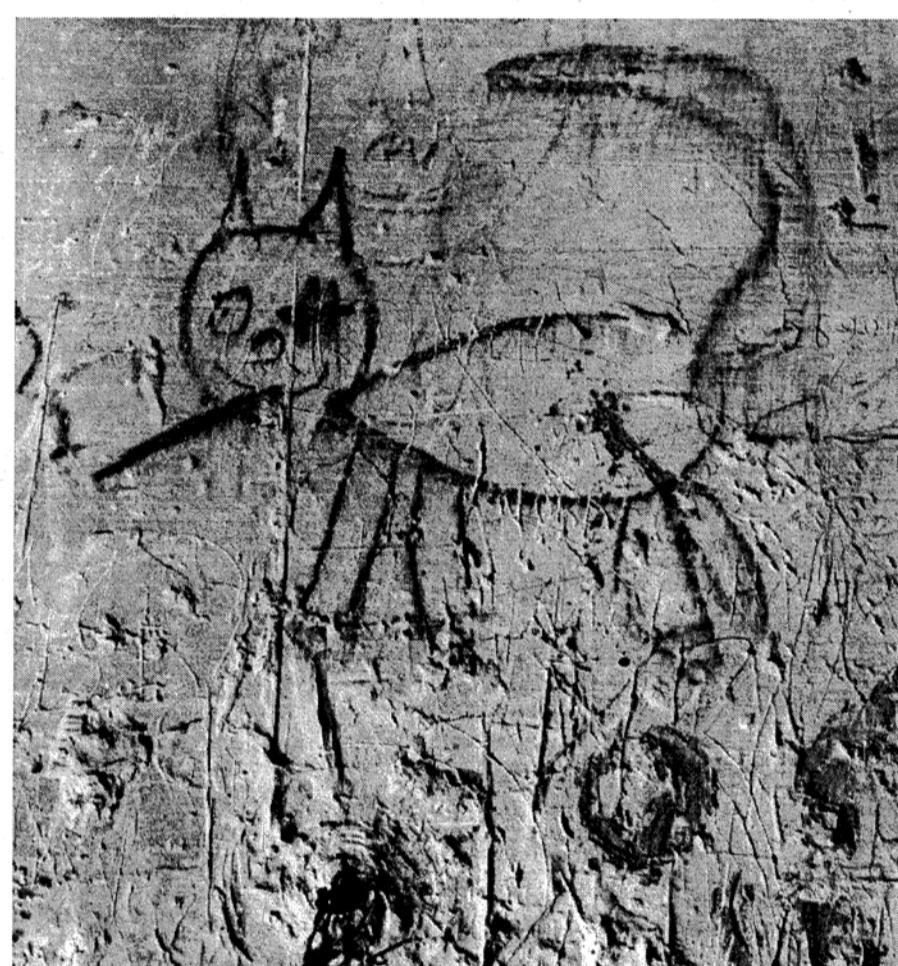
Чем Пелевин хорош? На мой взгляд, тем, что его личной темой, его мукой, маниакальной идеей оказался распад реальности, умножение миров. Очень важная вещь, с которой ещё предстоит разобраться.

Совсем недавно наша жизнь была монолитна,

вернее, возможность попасть в любую из их бесконечного множества. Теперь он попеременно "примеряет" миры и решает, что делать со всем этим богатством. Обдумывает, чем это грозит и что сулит. Любимый мотив Пелевина - странствия по виртуальным измерениям, пробежки по иным мирам. Не лунатично-блаженные, как во сне, а достаточно озабоченные, связанные с необходимостью решать какие-то очень наши, очень насущные, экзистенциально-бытовые проблемы.

Сочетание нашей дремучей бытовухи, посконной провинциальной безысходности и - перспективы чудесного перемещения в самые волшебные дали; соседство свободы - и обречённости, чернухи - и миражной яркости - вот этот состав делает пелевинские коктейли очень прямыми, настоящей находкой для любителей качественного стёба.

Виктор Пелевин пришёл из научной фантастики. Один из первых рассказов писателя "Затворник и Шестипалый" много раз перепечатывался в научно-фантастических сборниках. Это история двух существ (она принимаем их за людей), которые вовремя догадываются отрастить крылья и улететь из несправедливого мира, где чуть было безвинно не погибли. Прелест этой вещи заключалась в том, что она очень исподволь, постепенно обнаруживала свою иносказательную природу, и мы не сразу догадывались, что герои рассказа - цыплята с птицефабрики, ждущая их голгофа - разделочный стол, а благополучно покинутая ими чудовищная галактика - это всего-навсего "бройлерный комбинат имени Луначарского". Но и после того, как всё выяснялось, мы продолжали болеть за цыплят. Причём в

Михаил Ладыжников. Из серии "Фрагменты", 1988.

мы жили сообща: объединялись в одних очередях, слушали одно радио, читали одни книги. Один как все, и так все до одного. Теперь все расселились по разным вселенным: одни играют в казаки (наверное, 18-19 век?), другие - в хиппи (60-е годы XX-го), третьи вообще - в тибетских мудрецов (это, наверное, и вовсе вне времени!), все "озвучивают" разные эпохи, несоединимые реальности. Кажется, для любого человека становится возможным менять местонахождение принципиально - переходя из одной жизни в другую (хотя бы перекочевав из компартии - в аум сенрикё!). Но... Но что-то мешает свободе передвижения, и она нередко оказывается минимой. В конечном счёте мы всегда находимся в том измерении, которого заслуживаем, ведь окружающий мир - отпечаток нашего сознания. Если сознание неподвижно, передвигаться в пространстве бесполезно. Если оно динамично, никуда и ехать не надо: можно навообразить себе любую реальность. Тут главное - научиться правильно витать в облаках, то есть управлять этим процессом, не наталкиваться на неуютные обломки других миров.

Пелевин - первый, кто не только осознал, но и ощутил эти перемены в устройстве мироздания. Это Колумб, который открыл в одночасье неисследованное число Америк,

рассказе появлялись и люди, они занимались правильным делом - выполняли план по мясозаготовкам, но именно к ним наша душа не лежала. И когда цыплёнок выклёвывал человеку глаз и улетал, мы были очень довольны. Потому что мясозаготовки - это хорошо, но свобода - лучше. Спасение - оно спасение и есть. Кому бы оно ни доставалось, оно от этого не мельчает.

Уже здесь автор высказывал две заветные мысли, два постулата от Пелевина. Во-первых, убеждение, что реальный мир - ловушка, из него можно и должно бежать. Что реальность - это не то, что тебе подсовывают, а то, чего ты хочешь, и в наших широтах эти вещи не совпадают. И во-вторых, тезис, согласно которому бегство - это высокое искусство, которому не грех и жизнь посвятить. Во всяком случае, одного шага здесь явно недостаточно, нужна проработанная тактика. Надо решать проблему своего спасения как сложную шахматную задачу, потому что слишком многое сделано, слишком многие

потрудились, чтобы ты её никогда не решил. Проза Пелевина этим и нравится: она делает нас соучастниками приключения, интеллектуального и авантюрного одновременно. Где цель всех усилий - узнать секрет свободы. Своих герояев Пелевин не